

Литература

1. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства. Дополнение к книге Гидулянова П.В. – М., 1929.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. р-1235. Оп. 41. Д. 4.
3. Дагестан к 15-й годовщине Октября. – Махачкала, 1932.
4. Далгатов А.Г. «Религиозная оппозиционность» в Советской России (октябрь 1917 – конец 1930-х гг.). – СПб., 2002.
5. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957.
6. История Дагестана. – М., 1968.– Т. 3.
7. Каймаразов Г.Ш. Мусульманская система образования в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. – М., 2001.
8. Меликов С.Т. Истинное лицо «слуг Аллаха». – Орджоникидзе, 1987.
9. Обзор Дагестанской области за 1913 г. – Темир-Хан-Шура, 1914.
10. Османов А.И. Осуществление новой экономической политики в Дагестане 1921–1925 гг. – М., 1978.
11. Преодолевая религиозное влияние ислама. 1917 – начало 1930-х гг. – Алма-Ата, 1990.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 420. Л. 5.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 647. Л. 4.
14. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 115.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 796.
16. Салахбекова З.А. Взаимоотношения власти и мусульманского духовенства Дагестана в 20–30-е гг. XX века // Наш Дагестан. – Махачкала, 2002. – № 5.
17. Услар П.К. Предположение об устройстве горских школ // Этнография Кавказа. – Тифлис, 1877. – Т. 1.
18. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 8-п. Оп. 3. Д. 248. Л. 46.
19. ЦГА РД. Ф. р-33. Оп. 5. Д. 1.
20. ЦГА РД. Ф. р-610. Оп. 1. Д. 17.
21. ЦГА РД. Ф. р-627. Оп. 1. Д. 10 а. Л. 12.
22. ЦК РКП (б) – ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелёва, Л.А. Роговая. – М., 2005.

Поступила в редакцию 4 апреля 2013 г.

УДК 323–029:28

М.М. Гаджиев

Исламский фактор в системе этноконфессиональных отношений в Республике Дагестан¹

Дагестанский государственный университет; zktu_gadjiev@mail.ru

Статья посвящена актуальной для российского общества проблеме – роли исламского фактора в современных реалиях обострения этнических и конфессиональных отношений. В ней прослеживается развитие и возрастание влияния исламского фактора в общественно-политической жизни Дагестана, предлагаются меры по оптимизации этноконфессиональных отношений в РД.

Ключевые слова: *этноконфессиональные отношения, этноконфессиональная ситуация, исламский фактор, религиозное сознание, национальное сознание.*

Article is devoted to a problem actual for the Russian society – a role of an Islamic factor in modern realities of an aggravation of the ethnic and confessional relations. In it development and increase of influence of an Islamic factor in political life of Dagestan is traced, measures for optimization of the ethnoconfessional relations in RD are offered.

Keywords: *ethnoconfessional relations, ethnoconfessional situation, Islamic factor, religious consciousness, national consciousness.*

С середины 80-х годов XX в. наблюдалась тенденция возрастания роли исламского фактора в этноконфессиональных отношениях дагестанского общества, что привело к изменениям в общественно-политической жизни Республики Дагестан. Религиозное сознание становится средством возрождения и развития национального самосознания дагестанского населения. В этом находит свое проявление его мощная интегрирующая функция. В общественном сознании утвердилось мнение, что ислам является не только формой идеологии, психологии, общественного сознания в целом, но и воплощением и выражением духовно-нравственных ценностей человечества, неотъемлемой частью этнокультурного наследия, значимым фактором формирования самосознания народов.

Характеризуя этноконфессиональную ситуацию в современном Дагестане, необходимо отметить не только интенсивный рост религиозного сознания, но и количественное возрастание религиозных организаций и объединений. Динамика утверждения ислама, его проникновения в инфраструктуры республики хорошо прослежена М.Я. Яхьяевым и А.Р. Русидзе. Они пишут, что «в 1987 году в республике действовало всего лишь 27 мечетей, 5 церквей и 3 религиозных объединения иудейского культа. В пост-

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (соглашение № 14.В37.21.0512).

перестроечные годы развернулись бурное строительство новых и реставрация старых мечетей и церквей, было открыто множество примечетских школ, медресе, мусульманских институтов. К работе в этих учебных заведениях привлекались многие ученые-богословы, в т. ч. и из-за границы. К 1994 году в республике уже насчитывалось 720 мечетей и на стадии завершения находилось еще 139 мечетей.

К 2001 г. в Дагестане функционировало 1594 мечети и примерно 180 тыс. человек регулярно посещают пятничные молитвы в них. В республике действует 17 исламских вузов, 132 медресе и 245 начальных религиозных школ. Религиозным образованием охвачено около 14 тыс. чел. На 1 марта 2008 г. в республике действует уже 2240 исламских организаций (из них 2220 суннитских: 1122 джума-мечети, 699 квартальных мечетей, 178 молитвенных домов, 16 вузов, 15 филиалов, 116 медресе, 94 мектеба и 20 – шиитских объединений: 7 центральных мечетей, 6 квартальных мечетей и 7 молитвенных домов). На 1 января 2010 г. в Республике Дагестан, по данным Комитета правительства РД по делам религий, действует 2512 религиозных объединений, среди которых 2458 исламских. Из их числа 2438 суннитских: 1276 джума-мечетей, 827 квартальных мечетей (при мечетях действуют 168 мектебов), 243 молитвенных дома, 13 вузов, 76 медресе, 2 культурно-просветительских центра, 1 союз исламской молодежи. Шиитских объединений в республике 19 (9 центральных мечетей, 10 квартальных мечетей). В джума-мечетях республики по пятницам собирается порядка 240 тыс. прихожан» [12, с. 67].

С начала 90-х годов увеличение количества религиозных организаций оказывает все возрастающее воздействие не только на региональную специфику, но и на общероссийскую политическую стабильность. Однако, несмотря на множество научных исследований, посвященных этнополитическим и конфессиональным отношениям, проблема влияния исламского фактора в системе этноконфессиональных взаимодействий все еще требует всестороннего и комплексного осмысления. А.Г. Агаев и Р.М. Магомедов пишут, что суперполиациональность населения, размещенного на небольшой территории и в условиях крайне многочисленных перекрещений, образует одну из основных особенностей Дагестана и является причиной сложных межнациональных отношений. Большая численность народов, их многообразие и разнообразие по этническому происхождению, религии, языку, разделенность их по этнографическим и локально – культурным группам, обычаям и обрядам, местам выхода и индивидуальным способам встречи друг с другом в разных долинах и ущельях создали такой переплет их взаимодействий, что описание и объяснение их в полной мере – задача трудноосуществимая [3, с. 20].

Мы считаем, что трудность исследования исламского фактора в системе этноконфессиональных отношений обусловлена тем, что основной причиной напряженности в РД является ускоренная модернизация российского общества, порожденные ею кризисы, реальные и мнимые несправедливости, поставившие под сомнение легитимность как институтов власти, так и всей политической системы общества.

Общественное мнение свидетельствует о низкой оценке работы всех ветвей власти. Подавляющее большинство политических лидеров и государственных деятелей не вызывают доверия у дагестанских граждан, т. к. ассоциируются с определенными этническими кланами, находящимися длительное время во власти и у «кормушки». Происходящие социально-политические трансформации дагестанского общества усугублялись объективными причинами, такими, как стратегически сложное геополитическое положение региона и уникальный этнический состав населения, а также включенность республики в систему трансрегиональных этнополитических отношений.

В процессе перехода к демократической форме правления Россия столкнулась со сложными проблемами: быстрым и неуправляемым экономическим спадом, превалированием олигархической формы собственности, что привело к социальным издержкам происходящих преобразований, распространением коррупции, нестабильностью социальных институтов и т. д.

Необходимо отметить, что особенности социально-политического развития российского общества были связаны не только с самой ситуацией трансформации политического режима, но и с построением новой государственности и этнополитическими и конфессиональными конфликтами, сопровождавшими этот процесс. Социально-политические трансформации привели к обострению этнических и конфессиональных отношений. Прорекларировав суверенитет, депутаты РСФСР запустили процесс «строительства национальных государств» даже внутри самой РФ (российским автономиям было обещано повышение их национально-государственного статуса). Данные действия неизбежно вели к развалу страны и усилению сепаратизма.

Для начала 90-х годов характерно отсутствие законодательно утвержденной государственной доктрины в области национальных и религиозных отношений. Политические решения того периода были недальновидны и откровенно ошибочны и только провоцировали этнополитический и конфессиональный экстремизм и межнациональные конфликты на всем российском пространстве, и в частности в Дагестане. Мы полагаем, что при рассмотрении роли исламского фактора в общественно-политической жизни Дагестана необходимо констатировать устойчивость влияния, которое может либо усиливаться, либо ослабевать. И этому способствуют при-

чины, среди которых важное место занимает незавершенный процесс исламского возрождения. В современных условиях гражданский мир в России зависит от того, как сложится новая многонациональная и многорелигиозная российская идентичность, или «дело сведется к заведомо тщетным попыткам адаптировать к условиям XXI века прежнюю русско-православную идентичность, делая вид, что эти два понятия совпадают» [6, с. 33].

Процесс исламского возрождения принимает все более интенсивную форму, и если этому препятствовать (открыто или скрыто), то ответная реакция может выйти из-под контроля. В начале 90-х прошлого столетия Дагестан характеризовался напряженной этноконфессиональной обстановкой. Массовый отъезд русскоязычного населения, политические убийства, террористические акты, появление чуждого для дагестанцев экстремистского течения «ваххабизм», возникновение национальных движений, преследовавших узконациональные интересы, все это дестабилизировало общественную жизнь дагестанского общества. Разрушение экономических, политических и идеологических основ прежнего социалистического общества привело к тому, что люди были вынуждены искать новые «точки опоры» жизнедеятельности. Находясь в поиске устойчивых связей и отношений, которые обеспечили бы выживание в новых условиях, дагестанские народы нашли такие основы в кровнородственных, национальных, религиозных связях.

Необходимо отметить, что быстрая политизация исламского фактора выражалась в том, что дагестанские политики (как и российские политики) все чаще апеллировали к религии в поиске электората среди верующих, а дагестанское духовенство «внедрялось в политику» для решения религиозных проблем. Эта особенность носит объективный характер в современных условиях и является основной причиной усиления религиозного фактора на всем политическом пространстве российского общества. Силовые меры решения политических вопросов на Северном Кавказе и в Дагестане в частности со стороны российского государства вызвали ответную реакцию, которая приняла форму исламского противостояния. Этому способствовали также внешние деструктивные силы Ближнего и Среднего Востока, где сложилась достаточно влиятельная исламская диаспора, готовая к оказанию финансовой и иной помощи «своим братьям по вере».

Мы полагаем, что в процессе экономических реформ и социально-политических трансформаций российское общество утратило мировоззренческие ориентиры взаимодействия между народами и конфессиями. Как отмечалось выше, дагестанские народы обратились к этническим и религиозным основам взаимодействия. Мусульманское зарубежье было заинтересовано в усилении своего идеологического и конфессионального

влияния. В республику приезжали арабские миссионеры, проповедники и учителя, которые активно участвовали в создании религиозной системы образования. Если бы правительства РФ и РД приняли соответствующие меры, препятствующие этим тенденциям, и наладили бы контакт и сотрудничество с местным духовенством, то последствия этого влияния были бы минимизированы.

Исламский фактор в Дагестане имеет важную особенность – поддержку со стороны молодежи, которая настроена крайне негативно к социально-экономическим и политическим трансформациям последних 20 лет. По данным Федерального пресс-центра «Перепись-2010», Дагестан – «молодежная» республика (средний возраст дагестанца 27 лет), в которой одной из острейших проблем остается трудоустройство молодых людей. Именно невозможность трудоустройства, а следовательно, отсутствие и невозможность заработать достаточные средства к существованию являются основными причинами недовольства в молодежной среде и как результат – рост экстремистских настроений, имеющих этнический и религиозный характер.

Министерством по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан в 2003–2004 гг. были проведены социологические исследования с целью выяснения отношения современной дагестанской молодежи к таким существенным элементам духовного мира, как религия, этнокультура, изучения уровня их духовной культуры, религиозной и культурной толерантности в городах и районах Дагестана. Исследования проводились по анкетам «Духовный мир личности», «Духовная культура личности», «Религия в жизни общества и государства» и «Этнокультура». Всего были опрошены респонденты 39 национальностей (из 6 231 опрошенных 168 чел., или 2,7 %, не указали своей национальности).

Среди респондентов представлены все основные народы Дагестана: аварцы – 1533 чел., 24,6 %, даргинцы – 1172 чел., 18,8 %, лезгины – 1066 чел., 17,1 %, кумыки – 705 чел., 11,3 %, лакцы – 411 чел., 6,6 %, русские – 399 чел., 6,4 %, табасаранцы – 330 чел., 5,3 %, азербайджанцы – 206 чел., 3,3 % и др. Из опрошенных 6231 старшеклассника и студента: городских – 3111 чел., сельских – 3120 чел. Из опрошенных 6231 чел.: учащиеся старших классов составили 4577 чел. (из них городских – 1500 чел., сельских – 3077 чел.) и студенты – 1654 чел. (городских – 1611 чел., сельских – 43 чел.) [10, с. 111].

На вопрос об отношении респондентов к религии из 74,9 % опрошенных отнесли себя к мусульманам – 71,1 %, к христианам – 3,8 %, при этом только 9,2 % опрошенных указали на суннизм как исповедуемое направление ислама. Из тех, кто идентифицирует себя с христианством, никто не сумел указать на конкретное направление христианства. К иудеям отнесли себя 0,3 % респондентов. Неверующими назвали себя 6,4 % респондентов

и 5,9 % отнесли себя к атеистам. Остальные 12,5 % не ответили на этот вопрос.

Для дифференциации верующих респондентам было предложено на выбор четыре уровня религиозности. Результаты опроса следующие: глубоко верующие – 11,2 %, верующие – 46,8 %, слабо верующие – 13,2 %, колеблющиеся между верой и неверием – 3,7 %. Таким образом, большинство респондентов (58,0 %) отнесли себя к верующим и глубоко верующим. Однако, как показывает анализ их ответов на следующие вопросы относительно того, как они соблюдают основные обязанности мусульманина, христианина, иудея, выясняется, что на самом деле верующими, т. е. соблюдающими основные обязанности верующего, являются только 18–22 % респондентов [9, с.23–24]. Аналогичные ответы были получены Региональным центром этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН, который в 2007 г. провел социологическое исследование среди 850 чел.

Данные, полученные в ходе этих исследований, показывают, что в процессе сложившейся социализации молодежи «победили» не светские агенты, а религиозные. Значительная часть молодежи настроена в пользу религиозных духовно-нравственных ценностей. Религия, особенно ислам, стала важнейшим фактором, определяющим социально-политические и духовно-нравственные ориентиры современной дагестанской молодежи. В то же время молодежь считает, что религия должна играть более активную, консолидирующую роль в жизни дагестанского общества. Таким образом, состояние и динамика развития отношения к религии и религиозным ценностям со стороны дагестанской молодежи требуют адекватного реагирования со стороны местных и республиканских органов власти.

В третьем тысячелетии исламский фактор приобретает экстремистские черты. Официальные религиозные институты, проповедуя стабилизирующую роль ислама в этноконфессиональных процессах, не добились ощутимых результатов. 80 % религиозных экстремистов составляют молодые верующие до 30 лет. Как отмечает К.М. Ханбабаев, с 2007 г. происходит спор двух идеологий: «сепаратистского этнического национализма» и «сторонников глобального джихада». Исламский фактор радикальных экстремистов расширил не только территориальные границы, но и само понятие *враг*– кафиры (неверные) и муртады (отступники) из числа местных «национал-предателей». Главным методом религиозной мобилизации, по мнению К.М. Ханбабаева, стала индивидуальная обработка потенциальных сторонников, особенно среди молодежи [9, с.23–24].

Эксперты по Дагестану [5] говорят о наличии военной стратегии США–дестабилизация обстановки в Кавказском регионе через «сетевые войны» и использование деятельности иностранных неправительственных и между-

народных организаций, которых на территории СКФО более 100, способствующих активизации деятельности радикально настроенных этнических и конфессиональных группировок.

Мы согласны с мнением В. Тишкова, что «активность религиозного фактора на Северном Кавказе проявляется анклавно: так, сегодня на востоке региона (в Чечне, Ингушетии, Дагестане) его влияние значительно больше, чем на западе (в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии)... Представляется ограниченным проявление идеи «исламской солидарности», поскольку ислам (впрочем, как и в других регионах) разделен этническими перегородками, а так же на доктринальном уровне «догматический ислам» мало совместим с синкретическим, суфийским исламом братств» [8].

Подтверждением этому является то, что исламский фактор как фактор стабильности в полиэтническом регионе Северного Кавказа дважды «доказал» свою неэффективность. Когда в начале 90-х гг. республика оказалась на грани гражданской войны, мусульманский фактор в республике не сыграл стабилизирующей роли. Более того, проведение мононациональных съездов и митингов верующих, выборы однонациональных муфтиятов спровоцировали и межнациональную напряженность. Практика показала, что вопреки декларативным толерантным установкам религии, конфессиональные процессы оказались разведенными и по этнонациональным признакам. В этой связи не приходится и далее надеяться на позитивную стабилизирующую роль мусульманского духовенства в решении проблем утверждения этноконфессионального мира и согласия. Он не проявил себя и как фактор стабилизации в событиях, связанных со становлением ваххабитского движения [4, с. 161].

М. Абдуллаев считает, что «в Дагестане национальный фактор превалирует над религиозным, национально-этническим группам удастся использовать его в своих интересах. Впечатление, что ислам в последние годы в Дагестане чуть ли не стал всеобщим мировоззрением, – внешняя сторона. В действительности же, как показывают факты, дагестанскими мусульманами-алимами пока движут главным образом национальные и личные интересы» [1, с. 246].

Можно предположить, что высокий уровень мусульманской самоидентификации и впредь не будет играть стабилизирующей роли в поликультурной и этноконфессиональной среде. Как показывают современные межнациональные отношения и межконфессиональные процессы, главную роль в их бесконфликтном течении играют не столько религиозные духовные факторы, сколько социально-политические и экономические факторы. В этой связи подвергается сомнению само наличие существенной связи между национальным и конфессиональным факторами. Так, по мнению Е. Пырлина, ислам и национализм в условиях Северного Кавказа,

как, впрочем, и всего остального мусульманского мира, взаимно поддерживают и как бы «подпитывают» друг друга. Бурный всплеск местного национализма идет параллельно с процессами возрождения религии [7, с.27]. В то же время история религии свидетельствует, что не этнические отношения приспособляются к религиозным, а напротив, религиозные приспособляются к этническим.

На Северном Кавказе, в т. ч. и в Дагестане, этот процесс происходит путем взаимодействия ислама с нормами обычного права (адатами) и традиционными доисламскими обрядами местных народов. Представление о единстве этнического и конфессионального факторов укоренилось довольно прочно в сознании верующих в Дагестане и не подвергалось сомнению и осуждению. Традиции и обычаи, принявшие религиозную форму, воспринимались дагестанскими народами как созданные самим богом и имеющие религиозное содержание.

Национальное и религиозное сознание как компоненты этноконфессионального бытия не могут быть правильно поняты и изучены без учета того важного обстоятельства, что они существуют одновременно с сознанием и психологией различных групп, социальных слоев нации. Правда, при этом их сознание не следует брать в качестве исходного пункта, не определив пока место и роль этих социальных групп и слоев в общественной сфере. Исходным является их положение в системе общественного производства, в системе социально-экономических отношений.

Ислам, проникая во все сферы общественной и личной жизни, делая обязательными свои нравственные нормы, моральные установки, обряды и предписания, стал составной частью образа жизни своих последователей. Реальное наличие свободы вероисповедания породило в дагестанском обществе небывалый подъем религиозного сознания. Как считают специалисты, к настоящему времени фактически исчерпан потенциал дальнейшего количественного подъема религиозности в республике [11, с.204].

В сложившейся к современности этноконфессиональной ситуации бесперспективность конфронтационного подхода к этническим конфликтам и конфессиональным противоречиям в таком сложном регионе, как Дагестан, становится все более очевидной. Учитывая масштабы роста и влияния деструктивных сил, угроз целостности и безопасности дагестанского общества, органам власти необходимо выработать действенные меры по оптимизации этноконфессиональных отношений в РД. Но необходимо и понимание того, что общее состояние этноконфессиональной ситуации в республике не всегда зависит от усилий республиканских и местных органов власти, которые в определенной степени являются продолжением национальной и религиозной политики федеральных органов власти. Центру необходимо учитывать, что регион в 90-е годы обрел новое геополитиче-

ское положение, что вызвало особый интерес со стороны ведущих мировых держав и различных государств, заинтересованных в обострении межнациональных и конфессиональных отношений. Однако принятые Федеральным центром меры оказались половинчатыми, они не разрешили злободневных проблем (проникновение религиозного экстремизма, проблемы репрессированных, депортированных и разделенных народов и т. д.).

В этой связи необходимо уделять больше внимания вопросам выработки и реализации социально-экономической политики с учетом региональной специфики. Для современного дагестанского общества характерны высокий уровень безработицы и бедности, что приводит к росту преступности, активизации внутренних и внешних деструктивных сил и т. д. Когда усиливается тенденция к внутренней замкнутости этноса или конфессии, что наблюдается в реалиях дагестанского общества, необходимо создание атмосферы, способствующей гармонизации межнациональных и религиозных отношений.

В полиэтнических и поликонфессиональных обществах (особенно таких, как Дагестан) следует проводить политику, препятствующую созданию моноэтнических религиозных образований, ориентированных на конфронтацию. При создании и использовании механизма предупреждения и преодоления этноконфессиональных конфликтов, необходимо использовать уникальный опыт, выработанный дагестанцами за многовековую историю своего существования. Необходимо пропагандировать положительные традиции прошлого (куначество, уважение к иноплеменнику, использование народной дипломатии при регулировании конфликтов).

Федеральному центру следует разработать четкую политику в «мусульманском вопросе», исходящую из уважительного отношения к исламу как мировой религии, не допускающую превращения борьбы с религиозно-политическим экстремизмом и терроризмом в борьбу с исламом как мировой религией. В современных условиях гражданский мир и согласие в России зависят от того, как сложится новая многонациональная и поликонфессиональная российская идентичность. Потому наряду с православием ислам должен стать опорой российского общества, его государственности.

Идеологическую работу против религиозно-политического экстремизма необходимо проводить, привлекая к ней органы государственной власти, местного самоуправления, общественность, ученых, деятелей культуры, мусульманское духовенство, педагогические коллективы, представителей правоохранительных органов. Проблема ваххабизма и других форм религиозного экстремизма может быть решена только в результате скоординированных действий федеральных и региональных органов власти, всех институтов гражданского общества.